

43. Уголовный розыск Южного Урала : годы, события, люди, 1918—2003 / авт.-сост. Д. В. Смирнов. Челябинск : Книга, 2003. 321 с.
44. Усманов Н. В. Американская помощь голодающим на Южном Урале в 1921—1923 гг. : документы госархивов Республики Башкортостан // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 48—54.
45. Хмелевская Ю. Ю. «Как в завоеванной стране»: американский опыт Первой мировой войны в битве с голодом в Советской России (1921—1923) // Опыт мировых войн в истории России : сб. ст. / редкол. : И. В. Нарский и др. Челябинск : Каменный пояс, 2007. С. 553—576.
46. Цеткин К. Ленин и трудящаяся женщина. Л. : Госиздат, 1927. 48 с.
47. Юнусова А. Б. Из истории борьбы с проституцией // Археография Южного Урала. Уфа : Китап, 2002. С. 200—202.

ББК 60.542.22

О. И. Курто

**МУЖСКОЙ МИР, МУЖСКИЕ ЦЕННОСТИ:
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ МУЖЧИН-СТАРАТЕЛЕЙ
«ЖЕЛТУГИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ» 1883—1886 гг.**

Основным отличием гендерной антропологии от антропологии классической является желание увидеть в любом историческом акторе человека определенного пола. Именно потому, что в старых публикациях по классической (или традиционной) антропологии описывался некий среднестатистический индивид, наделенный целым комплексом свойств, считавшихся «нормой», и индивид этот был, как правило, мужчиной, в последние годы резко выросло и продолжает расти число работ по «женской истории» и истории женской повседневности. Напротив, изучение истории и повседневности мужчин неожиданно оказалось в нашей гуманитаристике в арьергарде. «Мужской вопрос» остается все еще малоизученным и слабее проблематизированным, нежели «женский». И если, особенно начиная со второй половины XX в., число женщин-исследователей истории женщин стало активно расти, то исследователей «мужской истории» крайне мало.

Перед ученым открыт огромный простор для работы, позволяющий по-новому взглянуть на все уже изученные проблемы. Однако в данном тексте я обращусь к вопросу не только не изученному в гендерном плане, но и основательно забытому с исторической точки зрения. Тема его — Желтугинская республика, история союза мужчин-старателей, незаконно добывавших золото на китайской территории в конце XIX в.

Желтугинская республика не была уникальной. Золотоносные реки Сибири, Дальнего Востока и Маньчжурии спровоцировали во второй половине XIX в. «золотую лихорадку», охватившую всю территорию Российской империи. Потоки авантюристов и охотников за быстрой наживой устремлялись к каждому новому месторождению золота. В местах добычи формировались особые мужские (реже смешанные) коллективы, жизнь в которых в современной литературе описана недостаточно. Каков был быт и особенности труда в таких мужских поселениях? Чем отличались господствовавшие в таких сообществах порядки? Менялись ли психология и самоопределение поселенцев?

Для ответа на поставленные вопросы мною были проведены самостоятельные полевые исследования на северо-востоке Внутренней Монголии¹, проанализированы и коллекции геологических музеев Москвы. Определенную информацию удалось собрать по старым публикациям, таким как «Амурская Калифорния» [1] и «Описание Маньчжурии» [22]. Ценными источниками являются записанные во второй половине XIX в. свидетельства очевидцев в журналах «Сибирь», «Восточное обозрение», «Вестник Императорского Русского Географического Общества», «Жизнь на восточной окраине» и коллекции рассказов в сборнике, сформированном Н. В. Латкиным «На сибирских золотых приисках» [18].

Желание сопоставить мужскую повседневность в разных артелях мужчин-старателей заставило обратиться к материалам, описывающим иные, нежели Желтугинская республика, незаконные образования [7, 10, 11, 13, 18, 26, 30, 34]. Автор считает, что единый временной промежуток, общность целей и мотивов, единство деятельности и существовавших условий позволяют предполагать, что сформированный быт и особенности жизнеобеспечения, за некоторыми различиями, были схожи как у золотоискателей Забайкалья, так и у тех, кто трудился в Приамурье. Обрывочные сведения можно также найти в популярных в то время дневниках путешественников [12, 23, 33], художественной литературе [9, 10, 14, 20, 21, 23—25, 28, 29, 31].

Что касается работ исследователей, то следует отметить, что на гендерном аспекте вопроса никто не останавливался. Общие же сведения можно почерпнуть в трудах геологов Э. Э. Анерта [3—6] и А. Е. Федорова [35], некоторых статьях общенаучного характера [15, 16, 19, 36], в коллективном труде «Тайга дальневосточная» [32]. Число работ, в которых авторы касались темы быта рудознатцев, довольно велико [2, 8, 17, 27], но аспект, взятый нами, не замечен никем. В этом заключается сложность восстановления исторических реалий.

Итак, Желтугинская республика, созданная на китайской территории в районе небольшой речки Желтуги (она же Желтуха или Желта; китайское название — Мохэ), впадавшей в М. Албазиху и относившуюся к правой части амурского бассейна, была одним из существовавших во второй половине

¹ Полевые материалы были собраны в провинции Хэйлунцзян (г. Харбин), автономном районе Внутренняя Монголия (г. Хайлар, Лабдарин, с. Шивэй, Эньхэ) в июне—сентябре 2009 г.

XIX в. на территории Сибири, Дальнего Востока и Маньчжурии незаконных поселений в местах добычи золота

Весной 1883 г. местный мужичок, ороchon Ванька, случайно обнаружил на реке Желтуге несколько золотых самородков. Исследовавшие их специалисты установили не только высокое качество самородков, но и необычайное богатство золотоносных слоев Желтуги. Известия об этом быстро долетели сначала до ближайших населенных пунктов — русских станиц Игнашино, Покровка и Амазар [1, с. 275], а затем распространились и по всему Дальнему Востоку и Сибири. В сентябре в сторону прииска устремилось несколько тысяч мужчин из Ниманской, Бутинской, Верхне-Зейской и других золотопромышленных компаний. Вслед за ними потянулся мелкий торговый люд [22, с. 278] — тоже по преимуществу или исключительно мужчины.

На начало 1884 г. численность населения на прииске достигла 5—7 тыс. (можно считать — исключительно мужчин), в начале 1885 г. — уже 10 тыс. Летом число старателей уменьшалось в связи с невозможностью осуществления работ во время разлива рек. В конце 1885 г. на прииске насчитывалось порядка 5 тыс. человек [22, с. 487].

Женщины изначально не стремились на прииск из-за тягот и невзгод старательской жизни, отсутствия условий для создания семейного очага. Появление на прииске женщин грозило ростом напряженности в среде изголодавшихся по женской ласке мужчин; женщины в старательские поселения просто не допускались. Нарушившие этот закон мужчины подвергались телесным наказаниям в виде 400 ударов палкой. Вместе с тем мужеложество и половое сношение с самками животных каралось 500 ударами терновника, что было равносильно смертной казни [22, с. 493—494]. Женщины стали появляться на прииске лишь в самом конце существования Желтуги, когда в ней уже были налажены сносные бытовые условия.

Желтуга была, по сути, «международной Калифорнией» [1, с. 273]. Здесь проживали «корейцы, ороchоны, евреи, немцы, французы, поляки, американцы» [22, с. 487]. Национальное многообразие порождало проблему языка, но т. к. основная масса мужиков-рудознатцев имела русское подданство, языком общения обычно был русский, а также распространенный в русско-китайском приграничьи «кяхтинский пиджин». Вынужденно жившие плотной мужской компанией, жители прииска выработали и систему условных зарубок — важных в условиях тайги опознавательных знаков.

Одинокие мужчины-«калифорнийцы» жили в зимовьях, расположенных по склонам двух гор. Строительство зимовья (около 4 сажень в ширину и около 3 аршинов в вышину) обходилось примерно в 200 руб., что предполагало создание некоего денежного «общака». Зимовье представляло собой деревянный сруб без окон и с одной дверью. Пол в нем был деревянным, иногда крытым корой или опилками; крыша — плоской, и каждому рудознатцу приходилось участвовать в заготовке лапника или коры, которыми ее крыли. По стенам зимовья располагались нары каждого мужчины. В том же помещении хранился инструмент. Отапливалось зимовье выложенной из камня печью или очагом, топившимися по-черному. Вставляли старатели очень рано, до восхода солнца;

ложились поздно, трудились на износ. Еду готовили по очереди, и мужчины быстро тому обучались, даже если до прихода на прииск привыкли к иному образу жизни в обычных семьях; готовили рис и другую крупу, а также мясо добытых в лесу животных, пойманную рыбу, грибы и ягоды².

Вынужденно лишенное общения с женщинами, население Желтуги должно было как-то заполнять свободные часы досуга. Не удивительно, что на одной из центральных «площадей», так называемом Орловом поле, едва возникло поселение, был выстроен и первый кабак, в котором собирались приискатели. Там они развлекались тем, что играли в свою любимую «орлянку». Возможно, Орлово поле и получило такое название по этой игре.

Прибывавшие вновь старатели строили свои зимовья параллельным вторым рядом; так возникла улица между этими домами одиноких мужчин, получившая название Миллионной. Из-за близости к разрезу, где шла добыча, жить на Миллионной улице считалось престижным. Китайцы (тоже одни мужчины) жили обособленно и чуть поодаль. Даже в такой нелегкой обстановке, как золотой прииск, среди вновь прибывших попадались мужчины-рудознатцы, предпочитавшие селиться отдельно, но все равно близ разбросанных по территории приисков гнездовых россыпей домов на несколько человек.

Проживавшие вынужденно вдали от женщин, стариков и детей, но выросшие в обстановке традиционных семей и обычной административной организации, желтугинцы, едва создав свое поселение, по сути, воспроизвели то, что им было знакомо. Социальное неравенство среди, казалось бы, находящихся в равном изначальном положении рудознатцев и приискателей появилось быстро и незаметно. В основе возникшей (назовем условно) кастовой системы лежала та сфера деятельности, которой занимался поселенец. Наиболее многочисленной была группа *приискателей*, или *хищников*. В старатели они попадали по собственной инициативе либо вербовались агентами золотопромышленных компаний. Вербовщики разъезжали по различным уголкам Сибири и Дальнего Востока, завлекая измученных нуждой крестьян рассказами о разгульной желтугинской жизни. Вербовка на новый сезон, начавшись осенью, продолжалась до ноября и даже декабря [18, с. 205—206]. Старатели получали задаток, мечты о самородках кружили голову, как следствие, начиналось беспробудное пьянство, продолжавшееся до тех пор, пока от задатков ничего не оставалось. Уходя на прииски, крестьяне пропивали все: шапки, шубы, рукавицы, бродни, рубашки, пр. От приказчика требовалось большое терпение, энергия и умение общаться с самыми разнохарактерными сильно пьяными людьми, чтобы доставить их на прииск. Разумеется, среди этих краснобаев — знатоков мужской психологии и их слабостей были также одни мужчины. На сборный пункт будущие старатели являлись «яко наг, яко благ» и получали в счет будущих заработков новую одежду. Однако, привыкшие к безостановочному пьянству еще в своих семьях, большинство из них успевали пропить все выданное до того, как доходили до тайги [28, с. 164].

² Интервью с А. В. Сурковым (Москва, 11.03.2010).

Другой не менее колоритной группой желтугинских обывателей являлись *спиртоносы*. Ввиду того что одной из немногих доступных радостей мужчин-старателей была рюмка водки, за нее они готовы были отдать многое. Но законы республики запрещали открывать питейные заведения ближе чем в 50 верстах от золотых приисков [18, с. 169]. За продажу водки из-под полы наказывали 25 руб. штрафа, попавшимся вторично приходилось платить — 50, в 3-й раз 100 руб. [1, с. 299]. За открытое пьянство наказывали 100 розгами [22, с. 494]. Позднее расстояние между кабаками и приисками сократили до 25 верст. Это привело к росту торговли спиртными напитками. Старатели выменивали водку на наличные или украденное золото.

Спиртоносы шли на ухищрения, чтобы продать водку; они бродили по таежным тропам, оповещая доверенных лиц о своем прибытии при помощи специальных условных знаков. Узнав о прибытии спиртоноса, рабочий, скрываясь от приисковой администрации и милицейских казаков, получал вожделенное спиртное [12]. Любопытно, что мужчин, занимавшихся нелегальной продажей спирта, их покупатели считали самыми опустившимися, стоящими на низшей ступени иерархии.

Однако те из спиртоносов, которым удавалось заработать, меняли и тактику поведения, и статус. Они делали заявку на участок, расположенный неподалеку от крупного прииска. Став хозяевами выделенного участка, они нанимали тех, кто под видом рабочих готов был заниматься меной разбавленной водки на краденое золото. «Расторговавшиеся» могли приобрести несколько приисков и часть средств пустить на добычу золота, а часть — на ту же торговлю: «Казармишку, амбаришку, домишко, если готовых построек нет, выстроит, завезет побольше водки в 40-ведерных боченках... табаку, чаю, сахару, да и моет себе золото... не свое, конечно, а чужое, соседское. У соседа-то товар в амбаре дорогой, а у него дешевле, водка у него и всякое другое питье тоже сравнительно недорогое... ну и несут ему золотую крупку... с соседского прииска, а он на этот товар что хочешь из своего склада променяет» [18, с. 175].

Получая до 200 % прибыли с торговли, такой зажиточный мужик-спиртонос практически не имел расходов на добычу, не тратился ни на контору, ни на конторщика, ни на приисковую администрацию [18, с. 175—176]. При своевременной выплате им всех установленных взносов и сборов проверок не проводилось [18, с. 176].

Третья категория жителей Желтуги — *торговцы* (всего около 300) [1, с. 304]. Сначала их составляли в основном молокане, затем — евреи, которые привлекали покупателей низкими ценами на привозимые (через торговый дом «Диксон и Ко», чьи пароходы доходили до Игнашина) из самого Гамбурга предметы роскоши, вино, одежду, инструменты, оружие, порох [22, с. 488—489]. Известную роль поставщиков товара в Желтугу сыграли и казаки, жившие в приграничных станицах. Они везли сухари, мясо, хлеб, водку, инструменты.

Жизнь в Желтугинской республике стремительно менялась. За три года старатели перешли от стихийных построек к некоторому подобию организованных поселений: появились гостиницы, кабаки, игорные дома и даже (поскольку обычные для молодых мужчин развлечения с противоположным по-

лом не позволялись) «зверинец и целая труппа жонглеров, фокусников, гимнастов, наездников, два оркестра музыки и несколько органов» [1, с. 288]. Досуговым центром стало так называемое «Монте-Карло» (другое название — «Чита») — здание с тремя комнатами: в одной был буфет с яствами и оркестр, во второй — столовая для желающих поужинать группой и по низким ценам; в третьей же посетители играли в «штос» и рулетку [1, с. 288]. Тут бывшие мужики-крестьяне, быстро намывшие себе «золотишко», проигрывали огромные суммы, до 4 тыс. руб. зараз, хотя этих денег хватило бы и им, и созданным ими семьям (уйди они с ними в свою деревню) на безбедное существование до конца жизни.

Трудно сказать, насколько реально в выстроенных в Желтуге гостиницах, отсутствовало предложение женской ласки за деньги (ведь водку из-под полы продавали). Информанты, однако же, ничего не сообщали о том, но в гостиницах, обеспечивавших клиентов почти европейским уровнем комфорта («Марсель», «Беседа», «Тайга», «Калифорния»), и двух банях (имевших и общие помещения, и «номера») могло быть что-то, способное скрасить жизнь мужчин без женщин [22, с. 489].

В обычные дни мужчины имели редкие часы отдыха. Однако по субботам, в день привоза, все менялось. В центре большой ледяной площади ставили возы и палатки, все вокруг украшали разноцветными флагами. Повсюду бродили шарманщики, в балаганах показывали фокусы и разыгрывали призы; «недалеко от этого места...» ставили железную клетку на колесах, «в которой помещалась пойманная в Приморской области тигрица». Труппа странствующих гимнастов, «одетых в легкое трико и только во время антрактов позволявших себе закутываться в бараньи шубы» поражала воображение присутствующих — возможно, среди них изредка попадались и женщины, но прямых свидетельств тому нет [1, с. 304]. Обыденностью для старателей на этом празднике были десятки верблюдов, на которых торговцы привозили сюда мясо.

К декабрю 1884 г. в Желтугинской республике было открыто около 30 лавок, позднее их число достигло 150. В день они зарабатывали от 200 до 400 руб. Главной доходной статьёй был все тот же алкоголь. Особой любовью старателей пользовались спиртные напитки амурской фирмы Хлебникова: коньяк, херес, мадера, шампанское. Расплачивались желающие расслабиться золотом, цена которого устанавливалась произвольно (за 7 золотников — пуд мяса, пуд сухарей или ведро водки). Со временем желтугинцы выработали удобную расчетную единицу — *штуку*, равную одному *золотнику шлихового золота* (дробный вес *штуки* выражался спичками и игральными картами: 1 золотник = 4 карты = 96 спичек) [22, с. 488]³.

Золото на приисках покупали по цене от 2 до 4 руб. за грамм. Уже в ближайшем городе (Айгуне) его продавали с наценкой в 50 коп., дальше оно стоило, понятное дело, еще дороже. Зато в самой «республике» торговцы легко поднимали цены на товары, которые было иным путем не приобрести: скажем,

³ Меры веса, использовавшиеся в Желтугинской республике: 1 фунт = 0,4095 кг; 1 золотник = 96 долей = 4,266 г; 1 доля = 0,044 г.

мясо в Благовещенске стоило 4 руб., а в Желтуге — 12 руб.; сухари соответственно — 3 руб. 20 коп. и 10—11 руб.; топор — 5 и 10 руб. и т. д.

Желтугинцы быстро наладили почтовое сообщение, корреспонденция в Россию отправлялась регулярно. Острая потребность в медицинском обслуживании (обморожения, травмы различного происхождения, заболевания, связанные с истощением и крайней напряженностью труда) привела туда и врачей. Страдали желтугинцы от тифа и цинги, а вот «городские болезни» (венерические) обходили их, по понятным причинам, стороной. Лазарет старателей, по описаниям, размещался в одном из зимовий и был весьма скромен. Внутри помещение разделялось толстыми бревенчатыми перегородками на четыре комнаты. Самой большой комнатой была палата для больных, в которой находилось 15 деревянных неподвижных коек. Каждую койку вместо матраца застилали двумя рядами мягкого войлока и сверху покрывали белой простыней. Постельный комплект дополняли парусиновые подушки, набитые соломой, с надетыми поверх ситцевыми чехлами и байковое одеяло. Во второй комнате располагалась аптека, в третьей — приемная для больных, в четвертой находились больничная прислуга и кухня. «Больные, поступавшие в лазарет, пользовались безвозмездно, на общественный счет, присмотром за ними лазаретного врача, принадлежащего госпиталю аптекою, уходом и попечением больничной прислуги и, с разрешения врача, полным продовольствием, состоящим из утреннего чая, завтрака, обеда, не более как из трёх блюд, и вечернего чая (к чаю полагался белый хлеб). Такое содержание каждого больного пансионера обходилось лазарету в сложности до 5 рублей в день, что при полном комплекте на 15 человек (а он был с первого дня открытия полным) составляло в месяц 2 250 рублей» [1, с. 305—306]. Все связанные с содержанием лазарета расходы несла приисковая администрация, а т. к. это было весьма затратно, увеличить лазарет до необходимых размеров не представлялось возможным. Примечательно, что места в лазарете отдавались самым бедным и тяжелобольным.

Нелегкие условия жизни, социальная дифференциация порождали высокий уровень криминогенности: с первых дней существования старательской вольницы тут случалось немало краж, грабежей с насилием, убийств. Трупы убитых прятали в лесах либо сжигали. Число преступлений росло стремительно [1, с. 290], и старатели приняли решение избрать ответственного за соблюдение порядка и наделить его широкими правами. Работа его оплачивалась из средств, взимаемых с купцов, приезжавших на прииск. Решение было закреплено присягой и подписанием документа о признании над собой власти избранных руководителей («как достойнейшим из среды нашей и помнящим слово Божие, учившее нас правде и справедливости») и учрежденных ими законов. В основе их — как говорилось в тексте — было «доброе слово», «которое многим... памятно разве только из воспоминаний их детства, проведенного в колыбели, быть может, на глазах любящих матерей» и готовность «неотступно трудиться на пользу ближнего» [1, с. 293—295].

Примечательно, что, организуя жизнь, как им казалось, на основаниях братства, желтугинцы разделили прииск по числу зимовьев на пять участков,

получивших название штатов. В каждом из них выбирали по двое старост сроком на 4 месяца. При выборе оценивали «нравственность и порядочность» — ценности, которые не могли разрушиться в этом мужском мире. Во главе всего прииска (или, как говорили сами желтугинцы, «республики») стоял также выборный *старшина*, или *президент*. Представителей штатов называли *старшинами* либо *старостами*. В целом сходом были установлены три основных принципа существования этого объединения: выборность органов самоуправления, товарищество артелей и суровые наказания за нарушение общественного порядка. Оклад президента республики составлял 400 руб. в месяц, то есть 4 800 в год, а старосты — 200 руб. На левом рукаве верхнего платья президент носил знак из желтой меди с соответствующей надписью, а староста — знак из белой меди. Десять избранных старост образовывали правление Желтугинских приисков. В руках президента и правления находилась вся административная и судебная власть. Старосты решали дела гражданского характера и мелкие уголовные дела, наказание за которые не превышало 100 ударов. О каждом случае наказания староста обязан был докладывать президенту. Все вместе старосты формировали первую инстанцию суда. Остальные серьезные дела решал президент, выступая в качестве второй инстанции.

Самым тяжким преступлением считалось убийство. Суд по нему вершил общественный сход. Сигналом к общему сходу был выстрел из двух пушек, расположенных на Орловом поле. Выстрел из одной пушки созывал на совет старост. Судили беспристрастно [22, с. 493]. На таком же сходе утверждали текст общего для всех желтугинцев закона — конституции. Он был записан в пяти экземплярах и разослан по штатам, где после прочтения закона вслух старшиной все старатели обязаны были его подписать.

Уголовное право Желтуги было весьма строго, если не сказать жестоко, и соответствовало нравам жизни мужчин без женщин: «500 ударов терновником за воровство; 500 — за мужеложество и другие противоестественные пороки и преступления; 500 — за ношение оружия в пьяном виде; 400 ударов палки за привод на прииск женщин; 200 ударов за ночной шум; 100 розог за открытое пьянство» [22, с. 494]. Наказание *терновником* — кнутом, набитым острыми гвоздями, — было равносильно смертной казни.

Интересно, что жившие в конце XIX в. русские мужики, ушедшие на прииски из своих деревень, не позаботились о строительстве церкви, хотя многие золотопромышленники возводили в городах храмы либо жертвовали на их строительство. Похоже, вне естественных условий жизни духовная жизнь была у старателей весьма убогой, храм был лишним, и единственным Богом оставалось золото [13, с. 54]. Во время обычного получасового полдника в котел с кипящей водой могли кинуть фунты дорогого чая и огромную голову сахара, дорогую привозную одежду и обувь носить один день... Рабочий мог биться с конторщиком за каждый недоплаченный ему рубль, а затем купить на крупную сумму абсолютно ненужные ему бубенчики для лошадиной упряжи [11, с. 266].

Обычно у тех, кто зарабатывал огромные состояния, семьи были так далеко, что о них успевали забыть. У иных, как оказывалось, родные уже умерли,

либо отrekliсь от них, либо находились там, куда проход был закрыт. Постоянное ощущение возможной внезапной смерти (обрушение шахт, нападения, убийства были обычным делом) заставляло их жить одним днем. Век старателя был короток: сильнейший ревматизм, вызванные цингой язвы... Разбросанные в тайге вокруг приисков и позабытые всеми могилы предшественников напоминали о скоротечности жизни.

Выжившие сразу же после расчета устремлялись в близлежащие села и станицы, в частности в некое Игнашино, в котором (едва рядом возник золотой прииск) открылось бесчисленное число кабаков и гостиниц. Они были всегда переполнены [1, с. 280]. Там-то приискателей вмиг окружали кабатчики, пропойцы и продажные женщины. Разгул шел «широкий, могучий, без воли, без удержу, пока последняя трудовая, облитая потом и кровью, добытая путем принижения, холода и голода, копейка» не была потрачена [11, с. 270]. Обычно именно там, стремительно промотав все заработанные тяжким трудом деньги, приискатель скатывался до уровня куда более бедственного, нежели тот, который был у него до найма.

Поскольку существование Желтугинской республики на китайской земле было незаконным, оно не могло быть долгим. В январе 1886 г. она закончила свое существование: объединенное русско-китайское войско разогнало поселение. Однако в истории такой традиционной для нашей земли (и очень мужской) «профессии», как землепроходчество, освоение новых земель, она осталась особой и важной страницей. Как своеобразное поселение значительного числа мужчин — разных как по своему социальному происхождению, так и по национальной принадлежности — она уникальна и для истории Азии, и для истории России. Многотысячное стихийное мужское поселение за короткий срок сумело превратиться в организованное сообщество, имеющее основания назвать себя «республикой». Вдали от семей, от женщин, от полноценного досуга они создали в своем поселении казино, рестораны, обеспечили себя музыкой и иными развлечениями. Возникла довольно демократическая система управления, наличествовала своя законодательная, исполнительная и судебная власть. Удивительно, но факт: вдали от обычной жизни мужчины-старатели не чувствовали потребности в строительстве храма, не приглашали туда православных священников, ни один из них до этого места сам (с миссионерскими целями) не дошел. Жившим на прииске рабочим и рудознателям виделись иные жизненные ориентиры.

Смогли бы что-то подобное организовать в то время женщины, если бы вынужденно создали аналогичное гендерно-сегрегированное поселение? Ответа нет, поскольку нет прецедента. Гендерный анализ повседневности жителей Желтугинской республики убеждает в том, что все в ней носило чисто мужской характер. Наказания были жестокими, беспощадными, не знающими снисхождения; развлечения — буйными, безудержными; труд — до изнеможения, порой — до смерти. Вероятно, женщины с их внутренне подчас неосознанной жизненной миссией (родить и выносить, воспитать ребенка) на такое бы никогда по доброй воле не пошли.

Библиографический список

1. Амурская Калифорния // Сибирские рассказы из жизни приискового люда. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1888. С. 273—322.
2. «Амурская Калифорния» — малоизвестная страница истории золотодобычи в Приамурье в фотографиях из архива земелеведения МГУ / К. А. Скрипко, Л. Д. Семенова, В. В. Снакин, О. С. Березнер // История наук о земле. 2009. Т. 2, № 2. С. 53—77.
3. *Анерт Э. Э.* Путешествие по Маньчжурии. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1904. 566 с.
4. *Анерт Э. Э.* Топографические съемки в золотоносных областях Сибири. Б. м. : Тип. тов-ва «Народная польза», 1907. 13 с.
5. *Анерт Э. Э.* Горногеологические исследования вдоль восточной половины линии Амурской железной дороги в 1895 г. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1910. 137 с.
6. *Анерт Э. Э.* Топографические съемки в Приамурье и участие в них разных ведомств : (докл. в Соединенном заседании секций техн. и юрид. 2-го янв. 1912 г.). СПб. : Типо-лит. Биркенфельда, 1913. 4 с.
7. *Арсеньев В. К.* Дерсу Узала ; Сквозь тайгу. М. : Мысль, 1972. 350 с.
8. *Афанасьев П. Ю.* Золото Приамурья. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2006. 208 с.
9. *Баринов О. А.* Золотые тайны Забайкалья. Чита : Экспресс-изд-во, 1999. 224 с.
10. *Васильев Е. И.* Миллионный ключ // Горный журн. 1897. Т. 1. С. 109—112.
11. *Г-в Н.* Олекминская Калифорния // Сибирские рассказы ... С. 238—272.
12. *Грулев М. В.* Записки генерала-еврея // Русская императорская армия : сайт. URL: <http://www.regiment.ru/Lib/B/6/8.htm> (дата обращения: 10.12.2009).
13. *Завитков.* В тайге // Сибирские рассказы ... С. 1—91.
14. *Игнаткин Ю. А.* По диким степям Забайкалья : очерки золота Забайкалья. Чита : Центр науч. и образоват. прогр., 1994. 100 с.
15. *Карсаков Л. П.* Золотая промышленность в Северной Маньчжурии (конец XIX — начало XX в.). URL: http://www.dvbook.ru/book_dalvostok_x2.htm (дата обращения: 28.01.2010).
16. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1994. Т. 1, кн. 1.
17. *Ламин В. А.* Золотой след Сибири. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Наука, 2002. 144 с.
18. *Латкин Н. В.* На сибирских золотых приисках : (из таежных воспоминаний). СПб. : Тип. Высочайше утвержд. тов-ва «Общественная польза», 1898. 210 с.
19. *Мухин А. А.* Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М. : Наука, 1972. 336 с.
20. *Наумов Н. И.* Собрание сочинений : в 2 т. СПб. : О. Н. Попова, 1897.
21. *Немирович-Данченко В. И.* Забытый рудник. М. : Посредник, 1893. 234 с.
22. Описание Маньчжурии (с картой) / под ред. Дм. Позднеева. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1897. Т. 1. 620 с.
23. Очерки Амурского края, южной части приморской области и острова Сахалина в геологическом и горно-промышленном отношении. СПб. : б. и., 1876. 91 с.
24. *Русанов А. П.* Старательская вольница. Чита : Чит. кн. изд-во, 1995.
25. *Русанов А. П.* Чалдоны. Чита : Чит. кн. изд-во, 2002. 145 с.
26. *Садовников И. Ф.* Систематический указатель к карте золотопромышленного района Олекминского горного округа. СПб. : б. и., 1909.

27. Сапоговская Л. В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX—XX вв. : Урал и Сибирь — модели развития. Екатеринбург : РАН, Урал. отд-ние, 1998. 313 с.
28. Сибирские рассказы из жизни приискового люда. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1888. 322 с.
29. Сибирский сборник : прил. к «Восточному обозрению». СПб. : б. и., 1886.
30. Сретенский. Сибирские мученики // Сибирские рассказы ... С. 92—237.
31. Сурков А. В. Пираты сибирского золота. М. : Волшеб. фонарь, 2009. 272 с.
32. Тайга дальневосточная : фоторассказ о неповторимом творении природы — лесах Дальнего Востока и их обитателях / Ю. Б. Шибнев, Г. Е. Росляков, Ю. И. Дунский, С. Д. Шлотгауэр. Хабаровск : Кн. изд-во, 1986. 336 с.
33. Тереш М. С. На Дальний Восток. М. : Тип. А. П. Поплавского, 1904. 231 с.
34. Уманьский А. Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб. : б. и., 1886. 167 с.
35. Федоров А. Е. Влияние геолого-географических факторов на социальные явления и активность людей // Система «Планета Земля» : 15 лет междисциплинарному науч. семинару, 1994—2009. М. : ЛЕНАНД, 2009. С. 214—285.
36. Экономические организации рабочих Сибири во второй половине XIX — первые годы XX века // Сибирь капиталистическая. URL: <http://history.nsc.ru/kapital/project/zinoviev/4-6.html> (дата обращения: 20.01.2010).